

18+

Игорь Ходаковский

ВАЛЯ

Повесть

Игорь Ходаковский

Валя. Повесть

«Издательские решения»

Ходаковский И.

Валя. Повесть / И. Ходаковский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987079-7

Блокадный Ленинград. Холодный и голодный декабрь 1941 года. Под бомбами и снарядами фашистов. Смерть ходит от дома к дому, и кажется, нет никакого спасения и надежды на жизнь...

ISBN 978-5-44-987079-7

© Ходаковский И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Валя
Повесть
Игорь Ходаковский

© Игорь Ходаковский, 2020

ISBN 978-5-4498-7079-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Сквозь чуткий сон Валя услышала, как в прихожей скрипнула не смазанными петлями дверь. Девочка мгновенно открыла серые глаза и с радостью подумала: «Мама вернулась из булочной – хлеб принесла!»

Она с трудом выбиралась из-под нескольких тяжёлых одеял и старых пальто, предвкушая скорое удовольствие от хлеба во рту.

Валя чиркнула спичкой о коробок и зажгла фитиль коптилки, затем схватила самодельный светильник и стремительно выскочила из комнаты в тёмный коридор. Там она с испугом увидела мать, которая медленно сползала по стене на пол.

– Мама! – сипло вскрикнула Валя и бросилась к ней.

Женщина открыла глаза:

– Сейчас пройдёт, не волнуйся... Устала, насилу дошла.

Но девочка не вняла просьбе матери и, хрипло поскуливая, заплакала.

– Брось, Валюша, брось, – тяжело подымаясь на ноги, утешила девочку мать. – Нельзя нам терять силу духа! Помрём. А выжить надо потому, что жизнь – прекрасна!

– Хлеба хочется, – сказала Валя.

– Пойдём в комнату есть, – предложила мать и подула паром изо рта на свои озябшие ладони.

Женщина поставила светильник на буржуйку, развернула тряпицу, в которой лежало два кусочка хлеба с крохотными довесками. Сощуриив глаза, она поглядела на стену, где висели часы-ходики, и сказала:

– Быстро управилась, только семь... а завтрак в восемь.

Валя убрала от хлеба подрагивающую руку и поглядела на мать.

– Терпи, – жёстко сказала женщина.

– Хоть одну крошечку, – взмолилась девочка.

– Нет!

Женщина разломил кусочек хлеба на три равные части, добавила к ним довески от обеих паек и твёрдо произнесла:

– Ешь строго по расписанию. Обещай!

Девочка неохотно кивнула головой в знак согласия.

– Пораньше отправлюсь на работу, боюсь, не успею вовремя, – тяжело поднимаясь с кровати, произнесла мать.

– Ладно, – тихо ответила девочка, глядя на медленные, сбивчивые движения рук мамы, которая поверх пальто надевала грубый тулуп серого цвета.

– Стул из прихожей разбила на дрова, печку растопишь, как стемнеет, – поучала утомлённым голосом женщина, – щепка прогорит, тогда следующую в топку бросай.

– Хорошо, – подтвердила Валя.

– Пушкина пока не жги и никому не открывай дверь, что бы ни говорили. Ты теперь одна в квартире, – настоятельно предупредила мать.

Девочка вновь кивнула головой, не отрывая взгляда от хлеба на тряпице.

– Люблю тебя, – сказала мама и расцеловала дочь в щёчки. – Будь умницей.

– К Саше можно сходить? – спросила Валя.

– Сиди дома! – жёстко пресекла намерения дочери мать.

– Три дня у них не была, – не соглашалась девочка.

– Ни к чему туда ходить, карточки у них украл, озлоблены они. Мало ли, чего случиться может.

– Теперь у них нет хлеба? – встревоженно спросила дочь.

Мать молчаливо качнула головой и вышла за порог. Пройдя несколько шагов, она обернулась и поглядела на дочь, освещённую тусклым светом коптилки. Ничего не сказав, улыбнулась, взялась рукавицей за металлическое ограждение лестничных ступенек, где давно отсутствовали деревянные перила, сгоревшие с треском в печках жильцов, и пошла на ощупь вниз.

Валя захлопнула дверь, затем провернула несколько раз ключ в скважине нижнего замка и отправилась в комнату.

Коптилку девочка поставила перед собой на стол. Сгоревший керосин разносился тёплым прогорклым запахом по всей комнате и создавал подобие уюта.

Валя взяла книжку, раскрыла её и на обратной, чистой стороне обложки в крайнем правом углу нарисовала карандашом круг. Затем поглядела на тряпицу с хлебом и сразу на часы, которые показывали только половину восьмого. Подув тёплым воздухом на пальцы, она жирно стала чертить бегущие от круга лучи.

Всхрипнул репродуктор и обрадовал Валью живым присутствием, но тут же замолк. Девочка в ожидании глядела на чёрный диск приёмника с длинным шнуром и машинально закрашивала диск солнца карандашом.

Вдруг молчание приёмника прервалось призывом мужского голоса:

– Говорит штаб местной противовоздушной обороны. Воздушная тревога, воздушная тревога!

Противно завывла сирена, а потом часто застучал метроном. Валя соскочила со стула и бросилась под кровать, прихватив одеяло.

Отдалённо слышались первые разрывы снарядов. Минуту спустя громко ухнул совсем близко мощный боеприпас, так что стёкла в окнах и мебели задребезжали. Затем вновь смертельные звуки бомбёжки отдалились и почти стихли.

Но следующий фугас разорвался у соседнего дома и заставил содрогнуться даже стены. Однако Валя высунула голову из-под кровати и поглядела на стрелки часов, которые показывали без одной минуты восемь. Она глядела на часовой механизм, затаив и без того редкое дыхание, и мысленно подгоняла невозможно медленные стрелки. Сейчас Валя не слышала ни взрывов, ни частого стука опостылевшего метронома – только мирное тиканье старинных ходиков.

Ровно в восемь часов, выскочив из убежища, она рванула к тряпице с кусочком хлеба, схватила озябшими пальцами положенную ей третью часть крохотной дневной нормы и с жадностью дикого зверя бросила в рот.

Впалые глаза вспыхнули, и теперь гроыхнуло не за окном у дома или на соседней улице, а в её душе разноцветным праздничным салютом удовольствия. Посиневшие от холода губы сладостно чмокнули, язык неторопливо засмаковал скудные питательные вещества из серого хлеба, в состав которого входили: ржаная обойная мука, жмых, опилки, пищевая целлюлоза и хвоя. Вкуснейший кусочек мгновенно растаял в голодном рту, и жаждущие глаза уставились на остаток суточного, 125-граммового пропитания. Валя медленно потянула руку к остаткам хлеба, в полной мере ещё не решившись послушаться мать. Но голод с силой толкал её ладонь схватить и немедленно проглотить остатки драгоценной снеди. Девочка сморщила лицо от раздрающего противоречия: с одной стороны, мудрого наставления матери, которое сохраняло ей жизнь не один день, с другой – нескончаемого чувства мучительного голода. Она оцепенела всем телом и разумом от невозможности решить чудовищную дилемму и разрыдалась, осознавая полнейшую беспомощность в своём горестном положении.

Из репродуктора вырвались звуки трубы, пропевшие фанфары, а за ними мужской голос возвестил:

– Отбой воздушной тревоги, отбой воздушной тревоги.

Трубы теперь успокаивающе пропели, и неторопливо застучал метроном.

Валя плотно завернула в тряпицу хлеб и поглядела на циферблат ходиков. До следующего приёма пищи оставалось шесть томительных часов.

Сквозь дыры в одеяле, висевшем на оконной раме для светомаскировки, уже пробивались тусклые лучики наступившего дня. Девочка встала на стул, отодвинула край одеяла в сторону и впустила в комнату долгожданный свет.

Она облокотилась на холодный подоконник и уставилась на безлюдную улицу. На другой стороне проезжей части покоился основательно вмёрзший в сугробы из снега и глыб льда пассажирский автобус с чёрными, безжизненными окнами. «Он тоже умер, – подумала Валя, – может, и люди все за ночь умерли?»

Серые тучи, гонимые ветром, потихоньку начали редеть и оставлять за собой голубые проталины неба, где краешком стало мелькать солнце, обещая грядущее усиление мороза и без того невыносимо холодных дней и ночей.

Вдруг улица стала перед её глазами исчезать, словно запорошенная сильной вьюгой, моментально погружаясь в сумрак ночи. Валя не удержалась на подоконнике и повалилась на пол.

Спустя минуту она открыла глаза, пошевелила языком в пересохшем рту и поморщилась от ушиба. Потом села на единственный стул в комнате и ещё немного отдохнула. Очень хотелось пить. Она неторопливо поднялась на ноги, сбросила с ладони рукавицу и потянулась к эмалированной кружке, стоявшей на печке-буржуйке, в которой за ночь крепко застыла вода.

Ножом отковырнула кусочек льда, положила его в рот и медленно растопила, волоча по нёбу языком. Потом вновь вернулась к окну и мгновенно, широко раскрыв глаза, изумилась.

Под ярким солнцем бежали трамваи, на чистой, убранной от снега и льда улице появилось множество людей. Они бодро куда-то шли, общались друг с другом, смеялись и радостно приветствовали встречных знакомых. Их красивые, яркие одежды придавали прекрасному обществу необыкновенную торжественность и праздничность. Валя с наслаждением и умилением глядела на мирную жизнь, с упоением разглядывая каждую деталь чудесной законной жизни.

Вдалеке она увидела, как по улице в её сторону мчится тройка белых коней, запряжённых в сани. Звук бубенцов летел к ней в уши и трезвонил по всей голове. Дед Мороз в красной шубе дёргал за вожжи и громко, в такт грохочущих бубенцов, радостно возглашал:

– Э-ге-гей! С Новым годом!!!

Валя крепко закрыла глаза и стиснула ладонями голову от страшного звука. Сознание опять стало темнеть. Она тщательно принялась тереть ладонями лоб и виски, и гроыхающая звень вмиг исчезла. Чистой волной вернулась лёгкость и прозрачность в разум.

Когда Валя вновь открыла глаза и поглядела в окно, она увидела на улице привычную, бесконечно ранищую её душу картину. Медленно шли горожане в серых одеждах, с бидонами и ведрами в руках для воды, другие волокли на санках мёртвые тела своих родных и близких, а третьи, незанятые, с трудом волокли свои ноги.

Под окнами, надрываясь мотором, медленно проехал грузовик, заполненный доверху замёрзшими человеческими трупами.

Девочка отпрянула вглубь комнаты, бегло осмотрела стены и углы, будто испугавшись, что здесь тоже могут лежать тела мёртвых людей.

Она остановила взволнованный взгляд на отрывном календаре, который показывал тридцатое декабря. На страничке были изображены два восточных мудреца. На их головах красовались тюрбаны, одеты они были в длинные халаты, из-под которых внизу виднелись широкие шаровары, падающие краями на башмаки с загнутыми кверху носами. Их длинные бороды скрывали лукавые улыбки. У одного из них на носу сидели круглые очки.

Длинными пальцами они держали квадрат, поделённый на равные клетки, в каждой из которых были начертаны трёхзначные цифры. Над таблицей имелась надпись на свитке: «Магический квадрат».

Валя подошла ближе к численнику и прочитала в нижнем правом углу:

– «Так называется квадрат, суммы чисел которого по всем горизонталям, вертикалям и двум равным диагоналям равны между собой...» Волшебный, что ли?!

Она стянула с кисти рукавицу и медленно потянулась к страничке, приложила ладонь, закрыла глаза и, собравшись с мыслями, трепетно произнесла заветное желание:

– Хочу, чтобы сейчас же закончилась война!

Она долго стояла, не шелохнувшись, пока не устала рука. Валя открыла глаза и поглядела на молчащий репродуктор, из которого, как она думала, должна быть провозглашена радостная весть.

– Вы просто обманщики! – выдержав паузу, сказала Валя нарисованным магам и оторвала страничку прошедшего дня.

Девочка уселась за стол, дунула несколько раз изо рта тёплым воздухом на замёрзшие пальцы, затем надела шерстяные рукавицы и продолжила рисовать незаконченный рисунок на обложке книги.

Лучи солнца изобразила падающими до земли. Вокруг светила поплыли стайкой белые летние облака. Поляна с кудрявой берёзой быстро усеялась крупной земляникой. Окончив рисовать последнюю ягоду, Валя глубоко вздохнула и рядом, на другом листе обложки, нарисовала огурец, котлету и летящий вверх от неё пар, непечатую буханку хлеба. Она долго глядела на рисунок, не сводя с него голодных глаз. Валя будто почувствовала запах изображённых продуктов и вкус от них во рту, отчего обильно за щеками выделилась слюна.

Девочка с восторгом вспомнила, как в прошлом году мама накрыла великолепный праздничный стол, и ту радость новогоднего веселья с восхитительным ароматом ели и мандаринов.

Она проглотила собравшуюся слюну и поглядела на ходики, которые недружелюбно показали, что до обеда осталось ещё три с половиной часа.

Раздался щелчок в репродукторе, и прозвучал мирный голос диктора:

– Внимание! Говорит Ленинград! Слушай нас, родная страна. У микрофона поэтесса Ольга Берггольц.

Валя улеглась в кровать и укрылась одеялами.

Зазвучал знакомый, любимый голос:

Валя закрыла усталые глаза, и её склонило в сон.

Поэтесса с любовью, пониманием, с горечью и надеждой читала далее обращённое к ленинградцам-братьям своё стихотворение:

Как беден стол, как меркнут свечи!

Но я клянусь – мы никогда

Правдивей и теплее встречи

Не знали в прежние года...

Девочка недослушала проникновенное творение, прочувствованное собственной плотью и душой поэтессы до последних человеческих глубин. Валя мирно засопела, уносясь от смертельной действительности.

Во сне она увидела ласковое море, которое крепко запомнила, когда однажды ездила с родителями в солнечный Крым.

Тёплая морская вода ласково набегала на её ноги. Валя всякий раз заливалась громким смехом, когда волна, окаймлённая белым барашком, окатывала её с ног до головы. Наигравшись с морем, она повалилась в горячий песок, с огромным удовольствием впитывая всем телом живительное тепло кварцевых кристаллов, нагретых южным солнцем, и от души наслаждалась близким присутствием любимых – отца и матери. Папа пощекотал её за пятки, а Валя игриво их отдернула в сторону и, громко засмеявшись, подставила вновь.

Но прикосновения его грубых пальцев не почувствовала, потому что проснулась от звонкого туканья каблуков. Стук доносился из коридора. Валя насторожилась. Каблуки стучали

и стучали, будто некто шагал на одном месте, специально досаждая кому-то назло. Вслушиваясь в странные шаги, она поднялась с постели, тихо приоткрыла комнатную дверь и направилась в прихожую.

В пустом коридоре загадочный топот звучал значительно громче, и теперь явно доносился с лестничного пролёта.

Помня предостережение матери, Валя бесшумно подошла к входу и приложила ухо к дверному полотну. Звук мгновенно исчез, и наступила тишина, которую последнее время она боялась не меньше, чем холода, голода или бомбёжки. Девочка, затаив дыхание, медленно приблизилась к замочной скважине и поглядела на площадку.

С четвёртого этажа по лестнице спускалась женщина в красном пальто, такого же цвета туфлях и шляпке. За её правую руку ухватился Димка из двадцать пятой квартиры. За левую держался Петька из двадцать седьмой.

Лица женщины Валя не разглядела, потому что свет из окна бил ей в спину, но её уверенная походка и стать впечатлила Валю, и она подумала: «Начальница какая-нибудь, детей кормить повела, или в эвакуацию их отправит. Может, мне тоже за ними последовать? А как же мама? Нет, я не могу без неё».

Они прошли мимо двери её квартиры и направились этажом ниже. Валя поспешила в комнату, чтобы из окна при дневном свете хорошо разглядеть женщину и выяснить – куда они пойдут дальше.

Прильнув к холодному стеклу рамы, девочка глядела на козырёк парадного, в ожидании появления женщины и детей, но на улицу никто не вышел. Она отвернулась от окна и бросила взгляд на часы – до обеда оставалось каких-то тридцать минут.

В этот час небо над Ленинградом полностью очистилось от серых облаков и засияло мирным голубым цветом. Валя поглядела на небосвод. Её маленькое сердечко ахнуло и потеплело, как растаявшая льдинка от летнего зноя. Твердь показалась ей тёплой и ласковой, зовущей к себе, в безмятежную и свободную даль, где нет войны и смерти. Зачарованная естеством мироздания, она почувствовала в глубине маленькую радость и мир. Тенью мелькнула призрачная надежда на спасение.

– Если бы я могла знать, когда закончится это безмерное горе, – будто вопрошая, сказала Валя, – я бы вынесла! Если бы кто сказал, что завтра или спустя неделю, может, месяц и даже год...

Она отступила от окна и заплакала:

– Когда-то должна закончиться проклятая война?!

В передней отрывисто и неуверенно постучали в дверь. Валя обтёрла ладонью щёки от слёз и, тихонько ступая, подошла к двери. Повторное требование открыть дверь эхом разнеслось в пустом коридоре и заставило девочку замереть на месте. Но когда стукнули ещё раз, она решилась поглядеть в замочную скважину.

За дверью, медленно ступая, расхаживал сосед и одноклассник Саша, с ним она просидела за одной партой четыре первых года в школе и начало пятого, пока не отменили занятия.

Валя отпрянула от двери и замерла, чтобы мальчик не услышал её. Но редкий стук о помощи вновь ударил в уши девочки и долетел до сердца. Вале стало невозможно жалко Сашу, своего друга, и она решилась послушаться мать и открыть дверь.

В полуживых глазах мальчишки блекло пробежала радость, он еле заметно улыбнулся и стал неотрывно, молчаливо глядеть на свою подругу, в её серые испуганные глаза.

– У меня нет хлеба, – выдавила из себя Валя.

В глазах Саши мгновенно потухла надежда, но он продолжал с криком о помощи глядеть на неё.

– Уходи! – потупившись, сказала Валя и закрыла дверь.

«Лишь бы он не постучал ещё раз! – думала девочка, убегая от двери в комнату. – Только бы не постучал».

Она вдруг почувствовала на себе тяжеленное бремя ответственности за друга. Ей стало невыносимо больно, будто только что она отказали человеку в праве на жизнь.

Девочка плотно закрыла дверь в комнату и мельком глянула на ходики. Часы показывали пять минут третьего.

Валя бросила в рот кусочек хлеба и жадно стала жевать, к удивлению, не испытывая ни капельки долгожданного удовольствия от пищи. Она пыталась проглотить хлеб, но поперхнулась и рвотно закашлялась, разбрасывая крошки изо рта по комнате. От потери драгоценного обеда она разрыдалась огромными слезами и повалилась на кровать.

Ей виделись Сашкины впалые глаза, смиренные, безнадежные и молящие о благодеянии. Это был её сосед, одноклассник и друг, а теперь никто – человек, который пришёл попросить часть её жизни, чтобы уменьшить её на час, на день. Но вместе с тем она испытывала к нему разрывающее сердце сочувствие и глубочайшее сострадание и сейчас мучительно жалела, что не поделилась с ним скудной едой.

Обтирая мокрые глаза и щёки кончиком шерстяного платка, она с болью сказала:

– Что я могу сделать?! Иначе не выживешь.

Девочка поднялась с постели и принялась тщательно осматривать пространство комнаты и собирать вылетевшие изо рта драгоценные крошки: на кровати, на полу, на стуле.

Валя вспоминала, как Саша всегда с удовольствием предлагал ей полакомиться мороженым, бутербродами; как он уговаривал учительницу посадить их вместе за одной партой; как защищал её от мальчишек, а когда они дразнились: «Жених и невеста, тили-тили тесто», Саша выступал вперёд и спокойно, как взрослый мужчина, отвечал: «И что, ну-ка скажите, что дальше?!»

Собранные в рот крошки хлеба Валя медленно проглотила, не ощутив ни удовольствия, ни утоления голода. Появилась вновь жажда, но растопить лёд в чайнике она могла только через пару часов, когда начнёт топить печь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.